

— Судя по дневнику погоды, я был в отъезде с 10-го по 18 октября. Всё ли это время, исключая, разумеется, дорогу, я провёл в Алма-Ате? Для семинара больше недели многовато. Не заезжал ли в ИЗМИРАН на секцию? Или на защиту Ситнова, у которого я был оппонентом в этом 1978-м году? Не помню.

— Ситнову я вначале писал внутренний отзыв на диссертацию (от специалиста из того же учреждения, что и диссертант) для секции учёного совета, это было в прошлом, 1977-м году, а защищался он в этом, 1978-м. Научным руководителем у него был Марс Нургалиевич Фаткуллин, отношения с которым у меня так и не налаживались, во многом благодаря Лобачевскому, который Фаткуллина терпеть не мог, публично нападал на него, противопоставляя его работам наши, что, естественно, бесило Марса. Причём мы, калининградцы, об этом порой и не знали.

— Марс возражал против того, чтобы Ситнов обращался за отзывом ко мне даже для секции, и тем более против того, чтобы я был оппонентом. Однако Юра его не послушался. Оппонентом-доктором был Гершман, глава горьковских теоретиков-радиофизиков, пожилой уже, симпатичный дядька, чуть окающий. Защитился Ситнов при единогласном "за" учёного совета.

— В один день с ним защищался Саша Резников. У того оппонентом был красноречивый Гальперин из ИКИ, куча прекрасных отзывов, ни одного вопроса на защите и... три "чёрных шара". Ситнова же долго терзали вопросами. Отмечали защиту в лаборатории Беньковой. Старушка присутствовала, а Марса не было.

— Говорливый, маленький, но крепкий Юра Ситнов, ненамного моложе меня, давно уже работал в ИЗМИРАНе, получал гроши, имея семью и не имея квартиры, и все радовались тому, что он, наконец, защитился. С ним мы вскоре сошлись поближе, и не раз по вечерам он составлял компанию нашей калининградской бригаде при её наездах в ИЗМИРАН, развлекая нас анекдотами и измирановскими сплетнями, своеобразными взглядами на известные явления нашей жизни ("Спасибо армии - если бы не тотальная милитаризация, мы бы давно уже одну брюкву только ели: вояки хоть кого-то работать заставляют..."). Его кумир - Жванецкий. Юра лихо пересказывал его миниатюры, тогда уже всю ходившие в магнитофонных записях.

Дома меня ждало письмо от Димули.

— Ленинград, 16 октября 1978 г.

Дорогой Сашок!

В Покров мы отмечали 40-й день кончины м. Никодима. На панихиде с речью выступали м. Ювеналий (его дальний родственник) и Филипп Поттер - ген. сек. Всемирного Совета Церквей. Речь Ювеналия была трогательной. Он вспоминал своё детство в Ярославле, когда он с матерью жил в маленькой проходной комнате, и как их там посещал Никодим, бывший тогда ещё юным иеродиаконном. Среди всего прочего он упомянул о том, что наиболее чтимым святым для Никодима был Василий Великий, столь близкий ему по характеру и по образу жизни. Думаю, сказал Ювеналий, что потомки назовут почившего архипастыря Никодимом Великим. Но пока это не произошло, и история не вынесла своего приговора, он остаётся просто Никодимом II, хотя лично для меня он был, начиная с первой моей встречи с ним, действительно великим человеком, видимым знаком неоторимой силы духа и власти Христовой, о которой говорится в Мф. 7, 29.

Вчера меня пригласили в дом к одному юному физику, в прошлом году окончившему

теоркафедру. Там было ещё несколько столь же молодых людей. Когда я пришёл, они обсуждали (с пылом) что-то из последних новинок в теории поля. Сведя всё к общим вопросам гносеологии, молодой хозяин со смехом говорил о том, что современная физика повергла в жалкое ничтожество материалистическую философию, которая с невнятным лепетом барахтается, как рыба, вытасенная из воды и хлебнувшая кислорода. Тут же он привёл слова акафиста Иисусу Сладчайшему: "Ветия многовещанныя, якоже рыбы безгласныя видим" (9-й икос).

— Когда все собрались и был разлит чай, мальчик, почти патетично обращаясь ко всем, сказал: "14 января исполняется 1600 лет со дня преставления и 1650 лет со дня рождения учителя вселенной св. Василия Великого. Я предлагаю скромно отметить эту дату. Прискорбное состояние мозгов наших сверстников требует от нас самих углубления наших знаний великого наследия каппадокийских отцов. Я предлагаю всем подготовить к этому дню небольшие рефераты с особенным акцентом на троическое богословие". Тут же сам он взялся прочесть доклад на тему: "Триадология как истинная основа системности богословского и научного знания". С готовностью были разобраны и другие темы: "Всемирно-историческое значение жизни и трудов св. Василия", "Богословский анализ какого-либо наиболее яркого произведения св. Василия" и т.д. Я в свою очередь, как ни отказывался, был вынужден согласиться прочесть импровизированный, не вынуждающий к длительной подготовке доклад на тему "Св. Василий и антиникийская реакция". Был предложен и другой заманчивый реферат: "Шестоднев" Василия как образец творческого использования триадологии в научном исследовании", но решили отложить его на будущее.

— После чая молодой хозяин очень обстоятельно и интересно изложил свои соображения (это в 22 года!) о снятии дуализма субъективное - объективное в эволюционной теории о. Пьера Тейяр - де - Шардена. Мне это было тем более полезно выслушать, т.к. последнюю лекцию 4-му классу я прервал как раз на Тейяр - де - Шардене, объясняя ребятам разницу в понятии тангенциальной и радиальной составляющих энергии эволюции.

— Самое славное во всех моих впечатлениях от этих молодых людей, - то, что для них всё это не пустая игра ума, или, как поётся в акафисте Пресвятой Богородице, "афинейские плетения" (хитросплетения Афинских философов, 9-ый икос), - а феномен того духовного заряда, который они черпают в литургической жизни, в "Добротолубии", у еп. Игнатия Бренчанинова, у еп. Феофана Затворника и старца Паисия. Т.е. это качественно нечто сугубо церковное и православное. Мне это было отрадно.

— Как изменяется время! Как отличаются все эти мальчики от нас в их возрасте и от всех, кто нас окружал тогда, когда гарантией "развития" человека служила его никчемная безосновательная эрудиция в вавилонском нагромождении имён типа Шопенгауэра, Фрейда, Ницше, Т. Манна, - это в лучшем случае; когда мысль, не находя для себя духовной опоры и пристанища, прыгала как воробей под фокстрот "Аллилуйя", с предмета на предмет: от дзена к суфизму, от теософии к рационализму, от шаманства к наивному юношескому скепсису; когда все весёлой толпой валили валом сквозь широкие ворота и по широкой дороге; когда мелкий разврат ("словить кайф") был столь естественным выводом из духовного убожества, что его даже в вину никому поставить было невозможно.

— Да, времена меняются. И Россия, кажется, ещё жива, хотя её и здорово шатануло куда-то на западо-восток.

— Всего наилучшего, большой привет Сашуле, целую, Дима.

(продолжение следует)